

Текст · 11 августа 2022, 07:21

Алла Константинова,

«Я потеряла сына, но это нужно было сделать». Почему семьи российских солдат оказались не готовы за них бороться

Вторжение в Украину часто сравнивают с чеченскими войнами: внезапное нападение, бомбежки гражданских объектов, отрицание больших потерь российской армии, срочники на передовой. Но если чуть больше 20 лет назад матери солдат, не получив помощи Минобороны, готовы были самостоятельно искать сыновей по чеченским селам, то сейчас большинство из них находятся, как говорят правозащитники, «в состоянии замороженности» и не пытаются отстаивать права военнослужащих и разузнать правду о своих пропавших или погибших на войне родных.

Воспитательница детского сада Екатерина Ногаева была единственной женщиной на борту военного самолета, который в ночь на 15 апреля вылетел из Ростова-на-Дону в Улан-Удэ. Сидя в боковом кресле спиной к иллюминаторам, мать двоих детей везла цинковый гроб со своим 36-летним мужем Понтелеймоном, тело которого около месяца хранилось в морге ростовского военного госпиталя.

Выдав Екатерине труп, военные предложили ей лететь домой на пассажирском самолете, но та отказалась. «Я сказала, что без мужа не полечу, — говорит она. — В самолете, кроме меня, были контрактники, офицеры и был еще гражданский —

папа солдата, тоже груз 200. Цинковый гроб, обшитый тканью, и в коробке деревянной».

32-летняя Екатерина — невысокая брюнетка с усталым взглядом. О том, что ее муж, военнослужащий по контракту, ефрейтор Понтелеймон Ногаев погиб в Киевской области Украины 9 марта, воинская часть № 69647 в бурятском городе Кяхта сообщила спустя три дня, 12-го числа. Но где находится тело мужчины, Екатерина Ногаева безуспешно пыталась выяснить весь следующий месяц.

«По документам он считался погибшим, — объясняет она. — Но мы думали, может, это ошибка, бардак какой-то начался. Я написала в приемную Путину два заявления, в прокуратуру военную кяхтинскую, военный Восточный округ тоже все знал... Я никогда не обращалась к бабкам, шаманам, цыганкам, а тут две недели по ним пробегала — везде была, в церковь каждый день ездила, не знала, куда обратиться. Не ела, не пила, немытая была, вообще за собой не смотрела... месяц. Потом говорю на работе: "Увольняйте меня, я поеду мужа искать"».

«Вам нужен скандал или результат?»

В последний раз Екатерина разговаривала с мужем 23 февраля, Понтелеймон торопился, и у него дрожал голос. «Будто он сам не знал, куда едет — в январе объявили, что на учения. Такое ощущение, что по телефону слово боялся мне сказать. И такой: "Ну все, Катя, давай, пока". Я говорю: "Ты что, в последний раз с нами разговариваешь?". Он говорит: "Не последний, а крайний". И отключился».

12 апреля Екатерина приехала в воинскую часть мужа в Кяхте и потребовала выписать ей и Юрию Ногаеву, брату супруга, военно-проездные документы (ВПД) в Москву и белорусский Гомель.

«Мы надеялись, что найдем его в госпитале либо в Москве, либо в Гомеле, — говорит она. — Думала, он без сознания, без памяти, без документов где-то... Выпросила билеты со слезами на глазах, потому что ни часть, ни военкомат по идее не имеют права выдавать мне ВПД, пока нету тела. В конце концов мне их выписала-таки часть».

Екатерина предполагает, что воинская часть сообщила в Минобороны о том, что Ногаевы отправились на поиски Понтелеймона. Уже в аэропорту Улан-Удэ Юрию Ногаеву (он тоже служит в Кяхте) позвонил «какой-то подполковник из Восточного военного округа». По словам Екатерины, тот спросил их, успели ли они долететь до Беларуси. А по прилете в Москву 13 апреля Ногаевой неожиданно снова позвонили, на этот раз дальний родственник, военный в отставке.

«Он нам помогал до этого, навел справки везде — у него связи... И вот он нам сообщил: "Езжайте,

Катя, в Ростов, на опознание. Понтелеймона, говорят, нашли"», — вспоминает Ногаева.

Екатерина не помнит дорогу в Ростов-на-Дону. Приземлившись, они с Юрием поехали в военный госпиталь на Дачной, 10.

«Там большая территория: здание экспертизы, госпиталь с правой стороны стоит, а по левую руку такой ангар, проходили мы через КПП, — рассказывает она. — Я в моргах, честно, никогда не была. Мужа вынесли на тележке под простынкой армейской, он лежал голый уже, замерзший. Половина тела была открыта. Я зашла, затылок его увидела и сразу поняла, что это он. Думаю: "Я сейчас точно упаду". Но все равно подошла потихоньку, очень медленно шла. Хотела его вот так обнять, — Екатерина начинает плакать. — А потом уже что-то такое получилось... и меня оттуда вывели».

Ногаева вспоминает, что начала вдруг кричать и обвинять всех присутствующих в гибели мужа: «Я сказала, что всем им отомщу за то, что они так долго его там продержали». Пока Екатерину успокаивали психологи, брат Понтелеймона Ногаева подписывал бумаги о приемке тела у следователя в соседнем здании.

«Мы когда туда только приехали, я стала следователя спрашивать, где мой муж, — Екатерина объясняет, что сильно нервничала и помнит только, что на шевроне у следователя была фамилия Козлов. — И он мне сказал: "Вам нужен скандал или результат?". То есть тело. А потом еще: "Что вы мне тут устраиваете, у нас тут неопознанные еще с чеченской войны лежат. Скажите

спасибо, что вашего мужа еще быстро нашли!". И когда мы уезжали, я и правда сказала ему спасибо».

Похоронили Поню — так называли мужчину близкие — на сороковой день после смерти, 17 апреля.

«У него на лице осколочные ранения были, уха не было левого полностью, восемь ран мелких только на лице и вся правая сторона в осколках была, — описывает тело мужа Екатерина. — Дочка наша сразу все поняла, плакала ночами. Сын — он маленький, ему девять лет — когда папу выгрузили из КамАЗа, в дом занесли, очень сильно заплакал. Сейчас боится про папу говорить: начинаю что-то, а он меняет тему. Не хочет, видимо, плакать».

После рождения детей Ногаева дважды безуспешно пыталась оформить детские пособия, а после гибели мужа, по ее словам, «соцзащита забежала и сразу все оформила», еще и выдав детям бесплатные путевки в оздоровительный лагерь.

Много лет их семья мечтала жить за городом: Екатерина с мужем купили участок и стройматериалы для будущего жилья. В июле дом Ногаевых достроили рабочие, Екатерина заплатила им из денег, которые государство перечислило ей за смерть мужа. Еще вдове пришлось купить машину, чтобы возить детей в школу в Улан-Удэ.

«Нас же государство обеспечило, смерть человека стоит 12 млн, — нервно смеется она. — Выплата делится на наследников: родителям по потере кормильца, нам, плюс за удостоверение ветерана боевых действий».

Екатерина говорит, что сильно скучает по мужу и до сих пор злится, ведь у них было столько планов и они, «можно сказать, только жить начали». Она уверена: если бы после известия о гибели Понтелеймона она не написала несколько обращений в военную прокуратуру Кяхты и не полетела бы лично его искать, то могла бы по-прежнему не знать, где он.

«Если бы не спецоперация эта... как они говорят... хотя это не спецоперация, это настоящая война, — женщина плачет в трубку и чеканит слова. — Они как пушечное мясо туда едут. Если бы не это, был бы он со мной».

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

«Не буду позорить имя своего сына»

Больше месяца ждала тело сына и жительница карельского города Кондопога Анжела, мама погибшего в Донбассе 26-летнего Владислава Терентьева. О том, что 22 мая водитель-механик 76-й гвардейской десантно-штурмовой дивизии из Пскова погиб, его семье рассказал сослуживец-контрактник.

«Дочери в соцсетях он написал 17 июня, на всю жизнь эту дату запомню, — говорит Анжела Терентьева. — Сказал, 22 мая был бой, они в убежище сидели. Спустился вниз командир, сказал: "Надо помочь забрать раненых бойцов, кто сможет вести машину?". Ну и Влад ему ответил: "Я". Он и еще два водителя-механика сели, уехали, и больше никто их не видел. Тот мальчик говорил, что уже после боя их тела пытались вытащить два раза, но оба раза тела минировали».

По горячей линии Минобороны Терентьевой сначала отвечали, что Влад числится пропавшим без вести, но спустя несколько дней подтвердили-таки, что военнослужащий погиб, попав под артиллерийский обстрел. Военная часть прислала семье погибшего направление на сдачу ДНК-теста. Через месяц тело Влада привезли в Карелию, и 27 июля его похоронили.

Анжела Терентьева в разговоре с «Медиазоной» размышляет, что сама не поехала бы в воинскую часть на поиски сына: «А знаете почему? В апреле сын, когда был на ремонте, сорвал спину — их вывели, я так понимаю, они были в Беларуси, — вспоминает она. — И мы с ним разговаривали, я ему говорю: "Давай, Владик, мы тебя вытащим оттуда, придумаем что-нибудь". Знаете, что он мне сказал? "Я не брошу своих пацанов, ни живых, ни мертвых". И потом я у него спрашиваю: "Влад, а шкурный-то интерес какой?". Он говорит: "Какой, мама, шкурный интерес — за родину, чтоб нацистов не было". Все».

Терентьева считает, что ее протест и попытка разобраться в обстоятельствах гибели сына запятнали бы память о нем.

«Я не пойду с поднятыми плакатами, никогда не пойду, — сердится она. — Да, я, может быть, чем-то недовольна, но я ни за что не встану и не буду позорить имя своего сына. Он шел [на войну] сознательно и остался там сознательно. За живых и за мертвых — он же мне так сказал. Я не буду протестовать. Я не имею на это права, мой сын выбрал профессию военного. И в контракте у него написано: "Защищать родину", понимаете?».

В то же время Анжела упоминает, что Влад, у которого это был уже четвертый по счету контракт, каждые два года говорил ей, что собирается уйти из армии. Мать солдата не уверена, нравилась ли ему его работа.

«Звоню: "Ну чего, когда ты приезжаешь?", а он тут же: "Да я дальше служить буду, опять подписал", — говорит она. — Он до пенсии бы там, наверное, служил».

В сообществе «ВКонтакте» кондопожской школы № 3, где до девятого класса учился Владислав, в день похорон написали прощальный пост о нем. Классная руководительница Терентьева вспомнила, что Влада «отличало умение выслушать взрослых и не перечить им, даже если он был с ними в чем-то не согласен». Педагоги вспоминают его как доброго, скромного и «даже немного застенчивого мальчика».

«Ну что нам скажут в воинской части? — заканчивает разговор Анжела Терентьева. — Ну вот опустит

командир глаза в пол, ну попросит он у нас прощения... Но мой сын выбрал профессию военного, понимаете? Выбрал».

«И нашим народом гордимся, и нашими воинами»

Мать погибшего в Украине десантника Владимира Зозулина на апрельской церемонии его посмертного награждения звездой Героя России говорила, что гордится и сыном, и Владимиром Путиным. В честь старшего лейтенанта Зозулина называли улицы в Луганске и его родном Иваново, [писало](#) РИА «Новости». Кадры выступления матери тогда [опубликовал](#) телеканал «Царьград».

«Мы все-таки воспитали с папкой, значит, настоящего мужика, настоящего воина, — говорит женщина, сглатывая слезы. — Он у нас всегда был ответственным, очень внимательный, чересчур иногда внимательный, очень заботливый. Нас очень любил, оберегал нас. А насчет военной операции я так хочу сказать: мы сразу ее стали поддерживать с мужем. Мы знали, что Вова будет участвовать. Но мы все равно гордимся и будем всегда гордиться. И за нашу Россию, и за нашего президента. Мы Владимира Владимировича Путина очень уважаем и гордимся им тоже. И нашим народом гордимся, и нашими воинами, и нашей армией российской. И пускай Запад на нас не прет, мы не сломимся, мы не испугаемся, это нас сделает смелее».

Жительница кубанского поселка Комсомольский Елена Евсигнеева тоже потеряла сына на фронте, но

продолжает поддерживать войну, [пишет](#) «Юга.ру». Евсигнеева узнала, что сын воевал в Украине, уже после того, как он погиб в Донецке. По словам женщины, Игорь до последнего скрывал, где находится.

«Что я думаю? Я хоть вот и потеряла сына в этой спецоперации, в этих боевых действиях, но я поддерживала, всегда поддерживала президента, его политику. Да, я потеряла сына, но я понимаю, что это нужно было сделать. Если бы мы этого не сделали, то когда-то это все к нам, наверное, бы пришло», — считает она.

При захвате аэропорта в Гостомеле в марте погиб 22-летний Дмитрий Платонов из Уфы. Его отец [рассказал](#) «Верстке», что рад, что тело его сына нашли и вернули домой. Дима был единственным ребенком в семье.

«Я благодарю Господа Бога, — говорит Олег Платонов. — Естественно, раньше я у него просил, чтобы сын вернулся живым и здоровым. Но если уж суждено погибнуть, то чтобы это было мгновенно и чтобы его там не забыли. Боженька услышал».

Тело сына Платоновы не видели: транспортировочный гроб, который привезли в Уфу в конце апреля, родители намеренно не вскрывали.

«Мама его просила [вскрыть гроб], — объясняет Платонов-старший. — Но я сказал: "Мы сына помним, как он улыбается, живой, здоровый. Зачем нам потом с этим жить?"».

«Не буду идти против, иначе не получу выплаты»

2 августа Дмитрий Шкребец, отец одного из срочников, числившихся в экипаже затонувшего 13 апреля крейсера «Москва», написал у себя во «ВКонтакте», что получил свидетельство о смерти сына спустя 110 дней после его гибели. Шкребец был одним из первых родителей моряков, который рассказал о пропаже сына после крушения крейсера.

«Шкребец Егор Дмитриевич, матрос срочной службы по призыву, старший вестовой службы снабжения, официально признанный Генеральным штабом участником боевых действий в составе экипажа крейсера "Москва", погиб. Теперь и документально», — написал Дмитрий.

В документе, фото которого Шкребец опубликовал, датой смерти указан день, когда затонул крейсер «Москва». В комментарии к записи Шкребец написал, что «сделал серьезные выводы» из катастрофы и гибели сына. Ранее у себя на странице Шкребец писал, что моряков «утопили вместе с крейсером», и обещал «рассказать всю правду», но позже удалил посты. 8 августа родные еще двух солдат — Ивана Франтина и Леонида Савина — получили документы об их гибели.

Мать другого срочника, пропавшего без вести на затонувшем крейсере, рассказывает «Медиазоне», что некоторые родители исчезнувших матросов с самого начала отказались заниматься их поисками. Анастасия Горелова^[1] считает, что эти люди «не выдержали эмоционально». Информации о

пропавших без вести на «Москве» нет уже больше трех месяцев, их как минимум десять человек.

«Были те, кто добавлялся в общий чат, а когда понимали, что мы там поисками занимаемся, говорили: "Я все, я не могу, я не смогу увидеть своего ребенка [мертвым]" — и уходили, — рассказывает она. — Были и те, кто говорил: "Да, он погиб, но я не буду идти против руководства Черноморского флота, иначе я не получу выплаты". Но мы же не знаем, что там за ситуация в семье, может, там детей трое, четверо... И человек думает, ну, вот пойдет он против...».

Погибший 21 марта в Харьковской области рядовой Андрей Фоминцев незадолго до смерти рассказал матери по телефону, что его сослуживец специально прострелил себе руку, чтобы не возвращаться на поле боя. В разговоре с «Новой вкладкой» Александра Фоминцева, мать погибшего, корит себя за то, что не уговорила сына сделать то же самое.

«Почему я ему не сказала: "Сделай так же"? — плачет она. — Говорила только, чтобы молился. А он в ответ: "Мама, некогда молиться. Даже спать некогда"».

Глава «Солдатских матерей Петербурга»

Оксана Парамонова считает, что большинство родственников российских военнослужащих находятся в «состоянии замороженности»: они горюют, но права — свои и сыновей — не отстаивают.

«Это не состояние "Мне все равно", хотя попадают и такие, — говорит Парамонова. — Но это и не состояние "Я готова или готов что-то делать". Многие готовы

ждать, но лишь немногие готовы предпринимать действия. Они тоже, очевидно, думают и переживают, но все это не выливается ни во что. Знаете, это такой внутренний импульс: что-то случилось, и я действую — таких единицы».

Парамонова объясняет, что то, как нужно вести себя родственникам пропавших или погибших военных, зависит от ситуации: где-то нужно ехать в воинскую часть, где-то — в Москву, где-то — в приграничную зону. «Иногда просто сидеть и писать заявления мало, — констатирует она, — тогда в армии видят, что за солдатом кто-то есть».

С начала российского вторжения в Украину в правозащитную организацию поступило около 300 заявок от родителей военнослужащих. Парамонова перечисляет те редкие случаи, когда родственники солдат сами проявляли инициативу и ехали искать сыновей или информацию о них. Об одной из таких историй писали «Север.Реалии»: у косметолога из Белгородской области в начале войны в Украину отправили двух сыновей-срочников, и она «ездила их искать на своей машине по окрестным полям» в области, но так и не нашла.

«Где-то мать начала заранее писать [заявления], что у сына имеются внутренние религиозные убеждения, хотя он тогда просто находился в приграничном районе, но угроза отправки [в Украину], конечно, была, — отмечает правозащитница. — И она там всех поставила на уши, ее вызвал офицер, поговорил. Она мне сказала: "Оксана, у меня была цель, чтобы его из общей серой массы выделили". И у нее получилось».

«Это все следствие молчания общества»

С начала российского вторжения в Украину было и несколько случаев коллективных заявлений от родственников военнослужащих. Самый первый — 20 марта, когда шесть женщин перекрыли дорогу в Карачаево-Черкесии, потребовав дать им информацию о пропавших со связи военнослужащих, отправленных в Украину. Одновременно с этим еще четыре женщины провели акцию у здания военкомата.

Обе акции не продлились и десяти минут: приехала полиция, составила на женщин, перекрывших дорогу, протоколы об участии^[2] в «несанкционированном митинге», помешавшем движению транспорта. Позднее суд прекратил эти административные дела из-за отсутствия «бесспорных доказательств» вины.

28 июня в соцсетях появилось видеообращение жен бурятских военнослужащих к главе республики Алексею Цыденову, на которое обратило внимание издание «Люди Байкала». В ролике более десяти женщин стоят вокруг девушки в зеленой футболке, которая зачитывает с листа просьбу предоставить отпуск военнослужащим военной части № 46108. По ее словам, в январе мужчины «убыли на учения в Белоруссию» и уже «задействованы на передовых позициях в течение пяти месяцев». Женщины попросили Цыденова «рассмотреть вопрос о замене и ротации» их родственников.

«Военнослужащие истощены морально и физически, — говорит девушка с листом бумаги. — У всех контузия легкой или средней степени тяжести. Солдаты с января 2022 года по настоящее время находятся в полевых условиях. У многих простудные заболевания. Им требуется медицинское обследование ввиду продолжительного нахождения в тяжелых военных условиях. Просим обратить внимание, что многим военнослужащим не предоставлялся отпуск более года».

Опубликовавшая видео у себя в соцсетях бурятка Вера Партилтаева дополнила пост сообщением о «беспределе» и «команде молчать», но уже спустя несколько часов, как заметило издание «Люди Байкала», удалила и пост, и аккаунт.

«Телевидение не предаст огласке этот беспредел! — написала Партилтаева в удаленном посте. — Все боятся, дана команда молчать! Пусть будет на вашей совести смерть каждого военного в этой несправедливой войне! Мы требуем вернуть наших сыновей и мужей на родину».

21 июля родственницы других военнослужащих из Бурятии — девяти контрактников из воинской части № 32364 — потребовали освободить военнослужащих из СИЗО Луганска. Туда, по словам президента фонда «Свободная Бурятия» Александры Гармажаповой, солдат отправили за отказ воевать в Украине. Родственники некоторых из них, по данным *The Insider*, приехали в Луганскую область, чтобы «добиваться освобождения и объяснений».

5 августа адвокат Максим Гребенюк, по оценке которого в изоляторе содержались около 140 солдат, со ссылкой на рассказы двух его доверителей сообщил, что центр содержания российских военных в луганском СИЗО «Красный Луч» закрыли. По его словам, некоторых отвезли в тыл, других отпустили, разрешив вернуться в Россию. Гребенюк связывает это с обращениями, поданными в Главную военную прокуратуру и Главное военное следственное управление СК России.

В последние месяцы войны родители российских военнослужащих действительно стали вести себя «несколько активнее», но этого недостаточно, считает глава «Солдатских матерей Петербурга» Оксана Парамонова. Она рада, что появляются группы родственников, «которые видят вокруг людей с такой же проблемой», но признает, что антивоенную позицию эти люди не заявляют, не замечая причинно-следственной связи между личным горем и ситуацией в стране.

«А такая позиция могла бы объединить между собой и эти группы родителей тоже, — рассуждает Парамонова. — Логическая цепочка до конца не доходит: почему это все случается? Если бы они осознали, что их дети — погибшие, пропавшие, захваченные в заложники — это все следствие того, что происходит в Украине, и следствие молчания общества на эту тему... Их молчания в первую очередь».

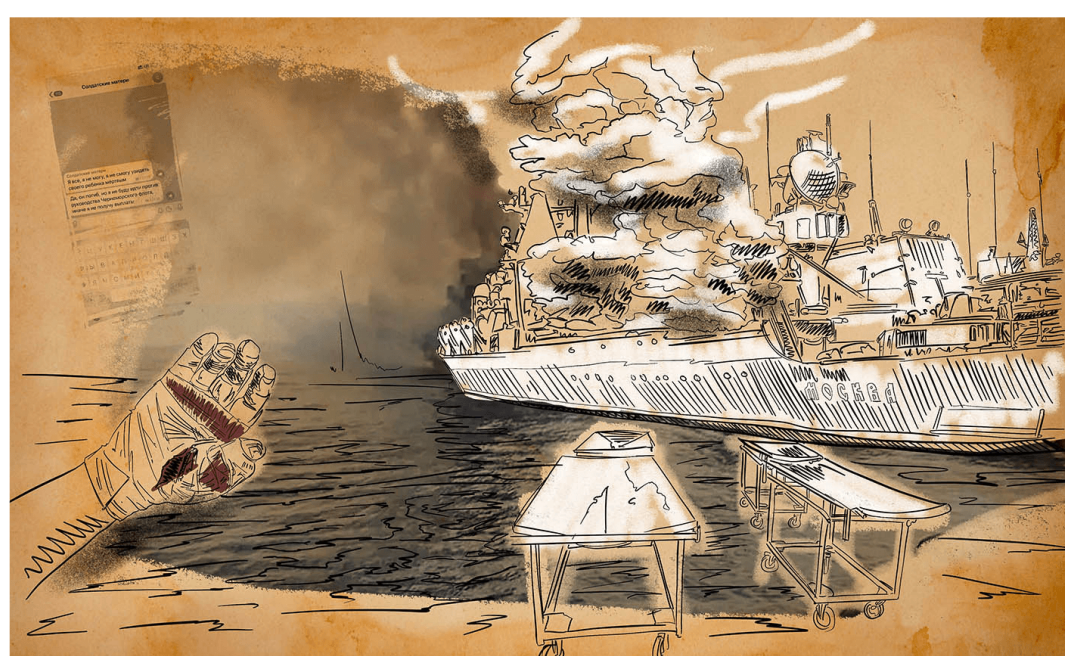

Иллюстрация: Костя Волков / Медиазона

«Сыновья не стали ценностью»

«Солдатские матери Петербурга» — одна из региональных правозащитных групп, которая в 1990-е сформировалась вслед за Комитетом солдатских матерей, появившимся в России в конце 1980-х годов. На первое собрание комитета в Московском энергетическом институте в августе 1989 года пришли несколько десятков человек, рассказывала в интервью *Esquire*^[3] правозащитница Валентина Мельникова, ответственный секретарь Союза комитетов солдатских матерей России.

«Пришло человек сорок, все уже с разными проблемами, — вспоминала она. — У меня была идея собрать какую-то группу еще до того, как я услышала про комитет: я всегда знала, что я своих детей в армию не отдам, а они у меня были как раз призывного возраста. Я это решила в 1979-м, когда войска в Афганистан ввели, подумала, надо просто собирать родителей, пытаться как-то разгрести весь этот чудовищный бардак и отменить призыв».

До лета 1990 года власти в деятельность организации не вмешивались, говорила Мельникова. Но затем Главное управление по воспитательной работе Вооруженных сил России учредило организации-двойники: так появились Союз родителей военнослужащих России и Совет семей

военнослужащих, чьей главной задачей, по словам Мельниковой, было «таскаться по воинским частям и всем говорить, чтобы служили». Затем у правозащитников из комитета по всей стране начали отбирать помещения, где они проводили собрания.

«Их целью был раскол, и они это сделали — всегда можно кого-то купить, — рассказывала правозащитница. — Новую организацию они собирались поддерживать в расчете на то, что мы увянем. <ё.ё Вообщее появление этих организаций-двойников, ширм — это по всему миру так. Сколько я бываю на международных правозащитных конференциях в странах третьего мира, всегда жалуются, что государство создает в противовес нам свои организации. Для этого есть название — *GONGO, government non-government organization*, "правительственная неправительственная", как говорится».

«Солдатских матерей Петербурга» после начала конфликта на востоке Украины в 2014 году признали «иностранными агентами». Это произошло после того, как правозащитники рассказали о большом количестве раненых в госпиталях на юге России. В октябре 2015 года статус с организации сняли, но спустя шесть лет она приостановила работу с военнослужащими из-за утвержденного ФСБ перечня информации, за сбор которой могут признать «физическим лицом — иностранным агентом». Сейчас «Солдатские матери Петербурга» оказывают только консультативную помощь семьям военнослужащих.

В период обеих^[4] чеченских войн движение солдатских матерей помогало родственникам российских солдат искать пропавших военнослужащих. В 1995 году Комитет солдатских матерей организовал Марш материнского сострадания и мира в Чечне, а в 1999 году в офисе «Солдатских матерей Петербурга» впервые официально обменяли чеченского заключенного, «чье участие в преступлениях не было доказано», на пленного российского солдата.

Некоторые матери российских солдат годами ходили с фотографиями в руках по чеченским селам, как кабардинка Роза Халишхова, попавшая в плен спустя четыре года поисков сына, призывника первой чеченской войны. Или Анна Пясецкая с Любовью Тумаевой — последняя провела собственное расследование и спустя шесть лет поисков похоронила сына, добившись эксгумации тела захороненного на Алтае солдата. Или Татьяна Ильючик, чудом не погибшая за пять лет безуспешных поисков сына. Она рассказывала о пропавшей в Чечне матери солдата, которого в итоге нашли живым.

«Пока ходили по завалам, две матери погибли, — вспоминала она. — Оля Осипенко пропала где-то. Также погибла Люба Мартынец, ее было особенно жалко. Нам же удалось найти живыми только двух парней. И один из них был Сережа, как раз ее сын. Когда его освободили из плена, Люба уже пропала без вести, погибла».

Полковник Виталий Бенчарский, возглавлявший в 1996 году рабочую группу по поиску и освобождению

российских военнопленных, рассказывал «Новой газете», что «только мамы спасали солдат» в период чеченских войн, а «государство их практически бросило».

«Почти каждое утро они шли в горы, заходили в села, бродили по рынкам Грозного, по городу и показывали фотографии своих сыновей местным жителям, — говорил Бенчарский в интервью. — Если они узнавали про других солдат, приходили делиться. Меня иногда спрашивали, откуда такая информация. Я отвечал: "Самый надежный источник — это мамы". Даже ФСБ такими сведениями не всегда владела».

Бывшая председательница «Солдатских матерей Петербурга» Элла Полякова называет ужасным сюжет телеканала «Россия-1», в котором рассказывают о родителях погибшего в Украине солдата, купивших на «гробовые» новую «Ладу». Правозащитница, помогавшая российским матерям искать сыновей-солдат в Чечне, считает, что российское общество с тех пор изменилось из-за жизни в постоянной нужде.

«Это обменно-ценностная система, и до сих пор человеческая жизнь не стала ценностью в России, — объясняет 81-летняя Полякова. — У общества произошло искушение деньгами, это было связано с бедностью и с тем, что много семей было разрушено — последствия войн сказывались. В результате осталось много матерей с сыновьями, которые не стали ценностью. И они себя не почувствовали ценностью. И когда пришли времена ипотек, кредитов, микрокредитов, эти люди влезли в долги, и это тоже давило на сознание, закрыло

горизонт у людей, деньги для них стали самоцелью. Произошла жуткая подмена, и люди в результате потеряли себя. Матери уже не матери, сыновья не сыновья».

Полякова говорит, что для многих «до сих пор откровение», что в России существует возможность пойти на альтернативную гражданскую службу и не служить в армии. Следом она вспоминает, что в период чеченских войн в их организацию «прибегало человек по двести» родителей — статистику правозащитники не вели, но Полякова говорит, что это совершенно точно было массовым явлением.

«Многие женщины в шоке тормозились, а когда они приходили к нам в организацию, то получали импульс: "Можно!". И совершали подвиги, передавали эстафету другим людям, — говорит Полякова. — А сейчас из-за того, что нет веры настоящей — не верят в себя, не верят в самооценку — это такая массовая нелюбовь. Люди не понимают, зачем они живут, куда они идут, какие бумаги они подписывают, какие контракты, зачем... Массовая нелюбовь в России поразила ее».

Редактор: Агата Щеглова

1. Имя изменено.

2. Часть 6.1 статьи 20.2 КоАП.

3. Сейчас издание называется «Правила жизни».

4. Первая чеченская война — с декабря 1994-го по август 1996-го; вторая чеченская война — с августа 1999-го по апрель 2000-го.